

VI 180

Б Т В О Р Ъ Н І Я

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

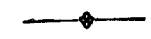
ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

Архієпископа Константинопольскаго,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἕνεκα. Ἀμήν.
Слава Богу за все. Аминь.

Св. Іоаннъ Златоустъ.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ

ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ.

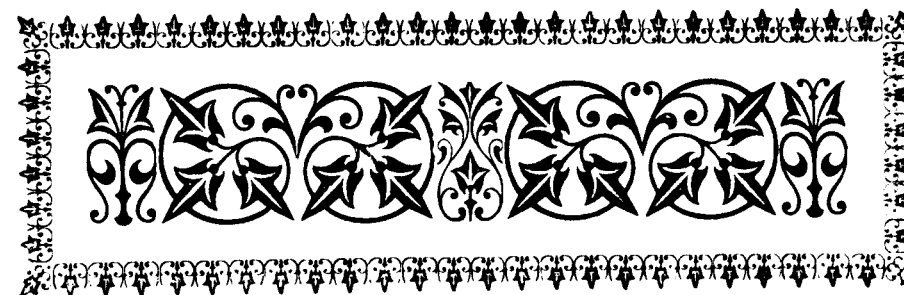

КНИГА ВТОРАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание С.-Петербургской Духовной Академіи.
1902.

Отъ Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется.
Петербургъ, 7 февраля 1902 года.
Сергій, Епископъ Имбургскій, ректоръ Академіи.

СВЯТАГО ОЦА НАШЕГО ІОАННА ЗАТОВОСТАГО
БЕСѢДЫ
НА ЕВАНГЕЛІЕ СВЯТАГО АПОСТОЛА
ІОАННА БОГОСЛОВА.

БЕСѢДА LXX.

Прежде же праздника пасхи, вѣдый Іисусъ, яко прииде Ему часъ, да преидеть отъ міра сего къ Отцу, возлюбль Своя сущія въ мірѣ, до конца возлюби ихъ (Іоан. хш, 1).

1. *Подражатели мнѣ бывайте*, говоритъ Павелъ, *якоже и азъ Христу* (1 Кор. xi, 1). Для того Христосъ и плоть принялъ изъ одного съ нами состава, чтобы чрезъ нее научить насъ добродѣтели. *Въ подобіи*, сказано, *плоти приѣха, и о грѣсъ осуди приѣхъ во плоти* (Рим. viii, 3). Да и самъ Христосъ (говорить): *научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Матѣ. xi, 29). И этому Онъ училъ не словами только, но и дѣлами. Такъ, называли Его и самаряниномъ, и бѣсоватымъ, и обманщикомъ, и бросали въ Него камни; а фарисеи то слугъ посылали, чтобы схватить Его, то подсылали другихъ злоумышленниковъ, притомъ и сами часто поносили Его, и все это тогда, какъ не только не имѣли ни малѣйшаго повода къ обвиненію Его, а напротивъ, еще постоянно похвалялись Его благодѣяніями. Однакожъ, и послѣ всего этого,

Онъ не переставалъ творить имъ добро и словомъ, и дѣломъ. И когда одинъ слуга ударилъ Его, Онъ говоритъ: *еще злы глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ: еще ли добрѣ, что Мя биеши* (Іоан. хviii, 23)? Но такъ поступалъ Онъ съ Своими врагами и злоумышленниками. Посмотримъ же, какъ Онъ поступаетъ и съ Своими учениками, а особенно—что Онъ теперь высказываетъ по отношенію къ (ученику) коварному. Вѣдь его слѣдовало ненавидѣть больше всѣхъ, потому что онъ, будучи ученикомъ и участникомъ въ трапезахъ и вечерахъ, и видя чудеса, и удостоившись получить такъ много, поступилъ съ Нимъ хуже всѣхъ,—не камни бросалъ въ Него и не поносилъ Его, но выдалъ и предалъ. Между тѣмъ смотри, какъ Онъ благосклонно принимаетъ его: Онъ умываетъ ему ноги. И этимъ также Онъ хотѣлъ удержать его отъ злого намѣренія. Могъ Онъ, конечно, если бы захотѣлъ, изсушить его, какъ смоковницу, и разорвать на части, какъ разорвалъ камни, и разодрать, какъ завѣсу; но Онъ хотѣлъ, чтобы тотъ оставилъ свое злое намѣреніе не по принужденію, а по доброй волѣ. Съ этою цѣлію онъ и умываетъ ему ноги. Но и этого не устыдился этотъ несчастный и жалкій человѣкъ. *Прежде же праздника пасхи, вѣднѣй Іисусъ, яко прииде Ему часъ.* Не тогда только узналъ, но зналъ, говоритъ (евангелистъ), гораздо прежде, чѣмъ сдѣлалъ то, что сдѣлалъ. *Да преидетъ.* Евангелистъ глубокомысленно называетъ смерть Его переходомъ. *Возлюбъ Своя сущія въ мірѣ, до конца возлюби ихъ.* Видишь, какъ Онъ, намѣреваясь оставить ихъ, обнаруживаетъ къ нимъ сильнѣйшую любовь? Слова: *возлюбъ, до конца возлюби ихъ*—именно означаютъ, что Онъ не упустилъ ничего, что слѣдовало сдѣлать тому, кто сильно любить. Но почему Онъ сдѣлалъ это не сначала? 382 Что важнѣе, то Онъ дѣлаетъ въ концѣ, чтобы усилить ихъ привязанность къ Себѣ и приготовить имъ великое утѣшеніе въ наступающихъ бѣдствіяхъ. Своими же Онъ называетъ ихъ по Своему близкому съ ними общенію. Называетъ Онъ и другихъ *Своими*, но—какъ Свое созданіе, на примѣръ, когда говоритъ: *и свои Его не пріяша* (Іоан. i, 11). Но что значить: *сущія въ мірѣ*? Это значить, что у Него были *Свои* и между умершими, какъ напр. Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ и подобные имъ; но они были уже не въ мірѣ. Видишь ли, что Онъ Богъ и ветхаго, и новаго завѣта? А что значить: *до конца возлюби ихъ*? Этимъ (евангелистъ) говоритъ, что Онъ никогда не переставалъ любить ихъ; и это называется свидѣтельствомъ особенно сильной любви. Правда, въ другомъ мѣстѣ (такимъ свидѣтельствомъ) называется не это, а положеніе души за друзей своихъ; но тогда этого еще не было. Но почему Онъ сдѣлалъ это (умылъ ноги) теперь? Потому что это было гораздо удивительнѣе тогда, когда Онъ для всѣхъ

казался столько славнымъ, да чрезъ это и утѣшеніе не малое Онъ оставилъ предъ ними. Такъ какъ имъ предстояло перенести жеманную скорбь, то Онъ предлагаетъ имъ чрезъ это и равносильное утѣшеніе. *И вечера бывшей, диаволу уже вложившу въ сердце Іудѣ, да Ею предасть* (ст. 2). Въ изумленіи сказалъ это евангелистъ, показывая, что умылъ ноги Іудѣ тогда, когда тотъ уже рѣшился предать Его. Этимъ Онъ обнаруживаетъ также великую любовь Іудѣ,—потому что его не остановило ни участіе въ вечерахъ, ни то, что Онъ обыкновенно лучше укрощаетъ злобу, ни то, что Учитель продолжалъ заботиться о немъ до самаго послѣдняго дня. *Вѣднѣй Іисусъ, яко вся даде ему Отецъ въ руцѣ и яко отъ Бога изиде и къ Богу грядетъ* (ст. 3). Здѣсь выражаетъ свое удивленіе, а тотъ, кто такъ великъ и такъ высокъ, кто пришелъ отъ Бога и къ Богу отходить, кто все содержитъ въ Своей власти,—что Онъ совершилъ это и, не смотря на все Свое величіе, не возглаголюсь принять на Себя такое дѣло. Подъ преданіемъ же, какъ кому кажется, онъ разумѣетъ здѣсь спасеніе вѣрныхъ; и Христосъ, когда говоритъ: *вся Мнѣ предана суть Отцемъ Моимъ* (Матѣ. xi, 41),—разумѣетъ это же самое преданіе. Такъ точно Онъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *твои бѣша, и Мнѣ ихъ далъ еси* (Іоан. xiii, 36); и еще: *никто же можетъ приити ко Мнѣ, аще не Отецъ приидетъ ео* (Іоан. vi, 44); и: *аще не будетъ дано ему съ небесе* (ш, 50). И такъ, или это выражаетъ, или то, что умовеніе ногъ нисколько не могло унижить, такъ какъ Онъ пришелъ отъ Бога и идетъ къ Богу, и все содержитъ. А когда ты слышишь: преданіе, то предполагай ничего человѣческаго. Этимъ показывается тѣмъ уваженіе къ Отцу и единомысліе съ Нимъ,—потому что, когда Отецъ предаетъ Ему, такъ и Онъ предаетъ Отцу, какъ это и указываетъ Павелъ, когда говоритъ: *егда предасть царство Отцу и Отцу* (1 Кор. xv, 24). Говоритъ здѣсь объ этомъ по-человѣчаву, показывая Его великую заботливость объ ученикахъ и обнаруживая неограниченную любовь Его къ нимъ,—такъ какъ Онъ теперь уже заботился объ нихъ, какъ о своихъ, научая ихъ матери всѣмъ благъ—смиреномудрію, которое Онъ 383 называлъ началомъ и крѣпостью добродѣтели. И не безъ причины присовокуплены слова: *и яко отъ Бога изиде и къ Богу грядетъ*, но чтобы знали мы, что Онъ достоинъ Того, кто пришелъ оттуда и туда идетъ,—поправу истребить гордость. *И воставъ отъ вечера и положи ризы* (Іоан. xiii, 4).

2. Смотри, какъ въ умовеніи только Христосъ показываетъ Свое смиреніе, и въ другими дѣйствіями. Не прежде возлежанія Онъ всталъ, и тогда, когда уже всѣ возлегли. Затѣмъ не просто умываетъ, но сначала сложилъ съ Себя одежду. Но и

на этомъ не остановился, а еще опоясался полотенцемъ; да и этимъ не удовольствовался, но Самъ же влилъ воду, а не другому велѣлъ наполнить ее. Такъ все это Онъ дѣлаетъ Самъ, чтобы показать тѣмъ, что, когда мы дѣлаемъ добро, то должны дѣлать его не съ небрежностью, но со всѣмъ усердіемъ. И мнѣ кажется, что Своему предателю Онъ умылъ ноги первому,—такъ какъ (евангелистъ) сказавъ: *и начатъ умывать ноги ученикомъ* (ст. 5), затѣмъ продолжаетъ: *прииде же къ Симону Петру, и глагола ему той: Ты ли мои умыши нозъ* (ст. 6)? — То есть, тѣми ли самыми руками, которыми Ты отверзалъ очи, очищалъ прокаженныхъ и воскрешалъ мертвыхъ? Подлинно, уже и это выражаетъ собою весьма много,—почему Петру и не было надобности сказать что нибудь больше, чѣмъ: *Ты ли?* Въ этомъ одномъ уже высказывалось все. Но справедливо можетъ кто-нибудь спросить: почему никто другой не воспрепятствовалъ Ему (умыть ноги), а только одинъ Петръ, что служить свидѣтельствомъ не малой любви и уваженія? Какая же этому причина? Мнѣ кажется, что Христосъ прежде умылъ ноги предателю, а потомъ приступилъ къ Петру, и что другіе были уже вразумлены примѣромъ Петра. А что дѣйствительно Онъ умылъ кого-то другого прежде Петра, это видно изъ словъ: когда же пришелъ къ Петру. Впрочемъ, евангелистъ не говоритъ прямо, но словомъ: *начатъ* намекаетъ на это. И хотя первымъ былъ Петръ, но, вѣроятно, предатель, по своей наглости, возлежалъ даже выше верховнаго (апостола). Его наглость выказывается и въ другихъ случаяхъ—напримѣръ, когда онъ погружаетъ вмѣстѣ съ Учителемъ (руку въ солило), и когда, не смотря на обличенія, не чувствуетъ угрызенія совѣсти. Петръ, однажды подвергшись упреку еще прежде, и упреку за слова, которыя онъ сказать отъ любви, такъ смирился, что даже и тогда, какъ былъ въ томленіи и трепетѣ, обратился къ другому, чтобы тотъ спросилъ; а этотъ (Иуда), не смотря на частыя обличенія, не приходилъ въ чувство. Итакъ, когда подошелъ къ Петру, *глагола ему той: Господи, ты ли умыши мои нозъ?* (Христосъ) говоритъ ему: *еже Азъ творю, ты не вѣси нынѣ, разумѣши же по сизѣ* (ст. 6, 7), т. е. (послѣ узнаешь) какая отъ этого выгода какъ полезенъ этотъ урокъ, какъ это можетъ расположить насъ ко всякому смиренномудрію. Что же Петръ? Продолжаетъ противиться и говорить: *не умыши ногу мою во вѣки* (ст. 6). Что ты дѣлаешь, Петръ? Развѣ не помнишь прежнихъ словъ? Не ты ли сказалъ: *милосердѣ ты, и услышалъ: иди за мною, сатана* (Матѣ хvi, 22, 23? Ужели и это не вразумило тебя, и ты все еще горячишься? Да, говорить; но теперь совершается дѣло необыкновенное и поразительное. Поелику же Петръ

поступалъ такъ по великой любви, то и Христосъ опять уловляетъ его тою любовію. Какъ тогда Онъ сильно укорилъ его, сказавъ: *соблазнъ Ми еси*, такъ и теперь говоритъ: *еще не умыи тебе, не имаша части со Мною* (ст. 8). Что же этотъ пылкій и пламенный? *Господи*, говоритъ, *не нозъ мои токмо, но и руцѣ и главу* (ст. 9). Горячъ въ сопротивленіи, но еще горячѣе въ изъявленіи согласія; а то и другое — отъ любви. Но почему (Христосъ) не сказалъ, для чего Онъ это дѣлалъ, а употребилъ угрозу? Потому, ³³⁴ что Петръ не послушалъ бы. Если бы сказалъ: оставь, чрезъ это Я хочу научить васъ смирению,—то Петръ тысячу разъ обѣщалъ бы быть смиреннымъ, лишь бы только Владыка не дѣлалъ этого. А теперь что говорить? То, чего Петръ всего болѣе боялся и страшился,—именно, чтобы не быть отлученнымъ отъ Него. Вѣдь это онъ часто спрашивалъ: *камо идеши*, и по этому-то поводу говорилъ: *душу мою положу за Тя* (Іоан. xш, 36—37). Если онъ не уступилъ и тогда, какъ услышалъ: ты не знаешь теперь, что Я дѣлаю, а узнаешь послѣ,—то тѣмъ болѣе, если бы узналъ. Поэтому-то и сказалъ: *разумѣши же по сизѣ*, — зная что, если бы онъ уразумѣлъ это теперь, то продолжалъ бы протівиться. Да Петръ и не сказалъ: объясни мнѣ, и я не буду противиться; но—что было знакомъ еще большей горячности — онъ даже не хотѣлъ знать этого, а опять настаиваетъ на своемъ, говоря: *не умыши ногу мою*. Когда же (Христосъ) употребилъ угрозу,—онъ тотчасъ утихъ. Но что значить: *уразумѣши по сизѣ?* Когда именно по сизѣ? Тогда, говоритъ, когда именемъ Моимъ будешь изгонять бѣсовъ, когда увидишь Мое вознесеніе на небо, когда узнаешь отъ Духа, что Я возсѣдаю одесную Отца,—тогда поймешь то, что теперь совершается. Что же Христосъ? Когда Петръ сказалъ: *Господи, не нозъ мои токмо, но и руцѣ и главу*, — (Христосъ) говоритъ: *измовенный не требуетъ, токмо нозъ умыти, есть бо весь чистъ. И вы чисти есте, но не вси. Вѣдающе бо предающею Ею* (ст. 9—11). Но если они чисты,—для чего умываешь имъ ноги? Для того, чтобы мы научились скромности. Поэтому-то Онъ обратился не къ другой какой-нибудь части тѣла, а именно къ той, которая менѣе всѣхъ другихъ цѣнится. Что значить: *измовенный*? Тоже, что чистый. А развѣ они были чисты? Вѣдь они еще не были освобождены отъ грѣховъ и не удостоились получить Св. Духа, такъ какъ грѣхъ еще владычествовалъ, клятвенное рукописаніе еще существовало и жертва еще не была принесена? Почему же Онъ называетъ ихъ чистыми? Чтобы ты не подумалъ, будто они въ томъ отношеніи чисты, что уже освобождены отъ грѣховъ, Онъ присовокупилъ: *вы чисти есте за слово, еже рече вамъ* (Іоан. xш, 10),—т. е., вы пока чисты только съ этой стороны; вы уже

приняли свѣтъ; вы уже освободились отъ іудейскихъ заблужденій. Такъ и пророкъ говоритъ: *измыйтеся и чисти будите, отъимите лукавства отъ душъ вашихъ* (Ис. 1, 16). Значить, такой уже омылся и чистъ. А такъ какъ апостолы отвергли отъ души своей всякое лукавство и обращались со Христомъ съ чистою совѣстію, то Онъ и говоритъ, сообразно съ словами пророка, что *измовенный уже чистъ*. Подъ измовеніемъ Онъ разумѣетъ здѣсь не іудейское омовеніе водою, но очищеніе совѣсти.

3. Итакъ, будемъ и мы чисты; научимся дѣлать добро. Но что такое добро? *Судите сирю и оправдате вдовицу, и приидите, и истязимся, глаголетъ Господь* (Ис. 1, 17). Въ Писаніи часто говорится такимъ образомъ о вдовахъ и сиротахъ; а мы о томъ и не думаемъ. Между тѣмъ, представь, какая награда! *Аще будутъ грѣси ваши*, сказано, *яко багряное, яко снѣгъ убѣлю: аще же будутъ, яко червленное, яко волну убѣлю* (Ис. 1, 18). Вдовицы беззащитны, а 385 потому (Господь) много о нихъ и заботится. Онѣ, конечно, могли бы вступить и во второй бракъ, но изъ страха Божія онѣ переносятъ скорби вдовства. Подадимъ же имъ руку помощи всѣ мы, и мужи и жены, чтобы и намъ самимъ когда-нибудь не подвергнуться тяжкой участи вдовства, или, если подвергнемся ей,—имѣть полное право ожидать и себѣ человѣколюбія. Не малую имѣютъ силу слезы вдовицы; онѣ могутъ отверзть самое небо. Не будемъ же обижать ихъ, не станемъ увеличивать ихъ 386 несчастія, но будемъ оказывать имъ всевозможную помощь. Если будемъ поступать такимъ образомъ, то доставимъ себѣ совершенную безопасность и въ настоящей жизни, и въ будущемъ вѣкѣ. Не только здѣсь, но и тамъ онѣ послужатъ для насъ защитою; за оказанныя имъ благодѣянія онѣ избавятъ насъ отъ большей части нашихъ грѣховъ и дадутъ намъ возможность съ дерзновеніемъ предстать предъ судилищемъ Христовымъ, чего да сподобимся всѣ мы по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXI.

Пріяты ризы Своя и, возлегъ паки, рече имъ: вѣстели, что сотворихъ вамъ? и пр. (Іоан. хііі, 12).

385 1. Опасно, возлюбленные, опасно впасть въ глубину золь. Тогда уже трудно бываетъ душѣ исправиться. Поэтому нужно всячески стараться—не быть уловленнымъ вначалѣ, потому что легче не вдаться (въ зло), чѣмъ, вдавшись, исправиться. Посмотри на Іуду: когда онъ ввергъ себя (въ зло), то сколько ни

получаетъ помощи,—все не возстаетъ. Сказалъ (Христосъ), обращаясь къ нему: *единъ отъ васъ диаволь есть*; сказалъ: не всѣ *отъ-рываютъ* (Іоан. vi, 70, 64); сказалъ: *не о всѣхъ васъ глаголю*, и: *Азъ отъъ, иже избрахъ* (хш, 18),—но онъ ничего этого не чувствуетъ. *Егда же умы ноги, и пріяты ризы Своя, и возлегъ, рече: вѣстели ли что сотворихъ вамъ?* Это говоритъ, обращаясь уже не къ одному Петру, но и ко всѣмъ. *Вы глашаете Мя:* Господь и Учитель; *и добръ глаголете, есмь бо* (хш, 12, 13). *Вы глашаете Мя*,—ссылается на ихъ сужденіе. Потомъ, чтобы не показалось, что это слова ихъ пріяни, присовокупляетъ: *есмь бо*. Такимъ образомъ, приводя ихъ собственные слова, Онъ тѣмъ самымъ дѣлаетъ ихъ не тягостными; а подтвердивъ приведенныя слова Своимъ (словомъ), отстраняетъ отъ нихъ всякое подозрѣніе. *Есмь бо*, говоритъ. Видишь ли, какъ, бесѣдуя съ учениками, Онъ гораздо открытѣе говоритъ о самомъ Себѣ? Какъ сказалъ Онъ: не называйте учителя на землѣ, *единъ бо есть вашъ учитель*, такъ же сказалъ: *и отца не зовите на земли* (Матѣ. ххш, 8). А выраженіе: *единъ* и: *единъ* сказано не объ Отцѣ только, но и о Немъ. Если бы Онъ говорилъ, не разумѣя здѣсь и Себя, то какъ могъ бы сказать: *да сынове съныи будете* (Іоан. хп, 36)? И опять: если бы называлъ учителемъ одного Отца, то какъ же говоритъ: *есмь бо*, и еще: *единъ есть истинникъ вашъ, Христосъ* (Матѣ. ххш, 10)?

Аще убо Азъ, Господь и Учитель, умыа ваши нозы, и вы должны есте другъ другу умывати: образъ бо сей дахъ вамъ, да якоже Азъ сотворихъ, тако и вы творите (Іоан. хш, 14, 15). Но вѣдь это не одно и то же, потому что Онъ—Учитель и Господь, а вы между собою—сорабы. Что же значить: *такое*? Съ такимъ же усердіемъ. Для того Онъ и беретъ примѣры отъ большаго, чтобы мы дѣлали хоть меньшее. Такъ и учителя пишутъ для дѣтей весьма красивыя буквы, чтобы они, хотя несовершенно, подражали имъ. Что же теперь—презирающіе своихъ собратій? Что теперь—требующіе почестей? Христосъ умылъ ноги предателю, святотатцу и хищнику и въ самое время предательства, не смотря на нера- 386 скаянность, сдѣлалъ его общникомъ трапезы; а ты гордишься и надмеваешься? Такъ значить, скажешь, мы должны умывать ноги другъ другу, слѣдовательно и рабамъ? А что же особеннаго, если и рабамъ? Здѣсь рабъ и свободный различаются только по имени, а тамъ—по существу дѣла. Христосъ по естеству Господь, а мы рабы; однакожь, Онъ не отказался и это сдѣлать. Но теперь приходится довольствоваться, если и съ свободными мы не поступаемъ, какъ съ рабами и купленными невольниками. И что мы тогда скажемъ,—мы и имѣющіе образцы такого долготерпѣнія, нисколько не подражающіе имъ, а поступающіе совершенно на-